

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-227-236

УДК 82(091)

Научная статья / Research article

«В недрах моей Африки»: травелоги Клода Маккея и Лэнгстона Хьюза о «стране предков»

Д.Д. Кузина

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук,
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а*

✉ ketrivenia@gmail.com

Аннотация. Анализируется образ Африки в травелогах поэтов Гарлемского ренессанса Клода Маккея («Вдали от дома», 1937) и Лэнгстона Хьюза («Большая вода», 1940), а также производится сопоставление этого образа с Африкой, фигурирующей в стихах обоих литераторов. Образ Африки как «страны предков» и «праматери негритянского народа» был популярен среди деятелей Гарлемского ренессанса, но при этом нередко идеализировался. Именно поэтому встреча с реальной Африкой становится в определенной степени моментом истины для афроамериканского художника, поводом для переосмысления самого себя и собственных ценностей. С помощью обращения к биографиям Хьюза и Маккея удастся выявить, почему, на первый взгляд, одинаково мотивированные писатели, люди, объединенные общей мечтой о «доме черного народа», при столкновении с реальной Африкой реагируют на нее прямо противоположным образом. Показано, как молодой поэт Лэнгстон Хьюз, настроенный, в сущности, космополитически, не обнаружил в реальной Африке соответствия своим поэтическим идеалам и после этого навсегда разделил Африку реальную и Африку стихотворную, между тем как искренне ратовавший за воссоединение негритянского народа Клод Маккей, объездивший всю Европу, именно в Африке впервые в жизни почувствовал себя «своим». При этом на Хьюза значительное влияние оказывает его смешанное происхождение, а на Маккея – колониальное прошлое. Приводятся материалы переписки, широко используются фрагменты самих травелогов, никогда ранее не переводившихся на русский язык.

Ключевые слова: Гарлемский ренессанс, травелог, литература США, Лэнгстон Хьюз, Клод Маккей, поиск идентичности

Благодарности и финансирование. Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-312-90043/19 «Американские травелоги между двумя мировыми войнами: взгляд на „старую“ Европу и „новую“ Россию».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 9 марта 2021 г.; принята к публикации 10 апреля 2021 г.

© Кузина Д.Д., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Кузина Д.Д. «В недрах моей Африки»: травелоги Клода Маккея и Лэнгстона Хьюза о «стране предков» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 227–236. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-227-236>

The Depths of My Africa: Travelogues on the Land of Ancestors by Claude McKay and Langston Hughes

Daria D. Kuzina

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation*

✉ ketrivenia@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the image of Africa in the travelogues by poets Claude McKay (*A Long Way From Home*, 1937) and Langston Hughes (*The Big Sea*, 1940), the significant figures of Harlem Renaissance; and also compares this image with Africa in the poems of both writers. The image of Africa as “the land of ancestors” and “the foremother of the Negro people” was popular among the artists and philosophers of the Harlem Renaissance, but at the same time, it was often idealized. That is why meeting a real Africa becomes, to some extent, a moment of truth for an African-American artist, the reason to take a new look at himself and his values. Biographies of Hughes and McKay reveal why equally motivated, at first glance, writers united by a common dream of a “black people’s home”, when faced with the real Africa, react to it in exactly the opposite way. The article shows that young cosmopolitan poet Langston Hughes did not find respond to his poetic ideals in real Africa and after that forever divided Africa into real and poetic, while Claude McKay, who kept up the reunification of the Negro people and had traveled around the whole Europe, only in Africa for the first time in his life “went native”. At the same time, Hughes is significantly influenced by his mixed origins and McKay – by his colonial background. The article contains materials of correspondence, fragments of the travelogues never been translated into Russian before.

Keywords: Harlem Renaissance, travelogue, American literature, Langston Hughes, Claude McKay, identity quest

Acknowledgements and Funding. The article was written with the support of the RFBR grant No. 19-312-90043/19 “American Travelogues Between Two World Wars: A Look at the ‘Old’ Europe and ‘New’ Russia”.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted March 9, 2021; revised March 20, 2021; accepted April 10, 2021.

For citation: Kuzina, D.D. (2021). *The Depths of My Africa: Travelogues on the land of ancestors by Claude McKay and Langston Hughes*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 227–236. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-227-236>

Исследователи афроамериканской культуры, в том числе и Гарлемского ренессанса, часто стоят на противоположных позициях и приходят к совершенно разным, даже взаимоисключающим выводам – так что историко-

литературный материал превращается в своего рода полемический полигон для афроамериканистов. Например, Г. Круз, Н. Хаггинс, Х.А. Бейкер или Г.Л. Гейтс смотрят на явление Гарлемского ренессанса с позиций афроцентристских, настаивают на жестком противопоставлении «белой» и «черной» культур; Дж. Хатчинсон и В. Соллорс, напротив, полагают, что афроамериканскую и «белую» традиции следует понимать как взаимосвязанные составляющие американской культуры, которая объединяет различные самобытные расовые и этнические элементы, что и создает своеобразие «американизма» по сравнению с культурами Старого Света (см. подробнее [1]).

Полемика эта длится уже не одно десятилетие, полна нюансов и едва ли может быть освещена здесь во всех подробностях. Поиск национальной и расово-культурной идентичности, собственного голоса – актуальная и драматическая проблема Гарлемского ренессанса, в разработке которой чрезвычайно важны вдумчивые исследования конкретных «кейсов». В данном случае это африканские путешествия двух крупнейших поэтов Гарлемского ренессанса – Лэнгстона Хьюза и Клода Маккея: для них знакомство с Африкой, «праматерью негритянского народа», было и важным личным опытом, и частью их творческих исканий.

В «европейском» мире, мире «белой цивилизации» деятелям негритянского ренессанса нередко приходилось сталкиваться с тем, что их не принимают всерьез: Клода Маккея зазывают в Советский Союз – но там смотрят на него как на представителя угнетенного народа, как на выигрышную карту в политической игре [2]; Лэнгстон Хьюз путешествует по Италии и не сразу понимает, что обязан местным гостеприимством своей экзотической внешности: многие из его новых знакомых вообще никогда в жизни не видели негра и для них вопрос престижа угостить его вином или даже просто пожать ему руку [3]. Рефлексия по поводу моды на «негритянскую экзотику» в 1920-е – одна из доминирующих тем не только художественного творчества, но и переписки афроамериканских авторов периода Гарлемского ренессанса. «На Бродвее каждую неделю идут чудовищно плохие негритянские шоу. Они проваливаются – и поделом. Попадаются цветные пластинки для виолончели просто невыносимо пошлые. Ну были бы они хоть смешные, или грустные, ну хоть полугрустненькие – так нет же. Дельцы, эти мерзкие идиоты, – в большинстве своем, боюсь, евреи, – доят эти негритянские вещицы так, что ни цента не пропадет», – пишет Лэнгстон Хьюз Клоду Маккею в 1928 году [3. С. 87]. А двумя годами позже: «В этот год на Юге линчуют по меньшей мере одного негра в неделю, цветной барьер стягивается все туже и туже, даже в Нью-Йорке, – а в книжках и в театре негры все те же умильные симпатяги! Танцуйте, сволочи, пляшите! Вы такие необычные, такие потешные, ну просто лопнуть!» [3. С. 99]

Казалось бы, негр мог бы обрести гармонию с миром на родине предков, в Африке, которая в произведениях Гарлемского ренессанса зачастую предстает в поэтизированном, идеалистическом облике. Но нет – деятели Гарлемского ренессанса, в том числе Ален Локк («О художественном наследии предков», 1925), подчеркивают, что афроамериканская традиция – это плод именно американского опыта, так что и в Африке американский негр

оказывается чужим. Следовательно, чужак он повсюду – и это сознание этого значительно влияет на Лэнгстона Хьюза и Клода Маккея, когда они пишут свои автобиографии («Большая вода» и «Вдали от дома»). В обеих книгах имеются «африканские» главы, но представления об Африке и жизненные обстоятельства, туда приведшие, были для двух поэтов неодинаковы.

Хьюз, уроженец штата Миссури, выросший в семье аболиционистов, в своих ранних стихах опровергал пестуемый колонизаторской культурой образ отсталой нищей Африки, противопоставляя ему образ Африки поэтической, волшебной и гармоничной. Идеалистическая, самодостаточная Африка «до колонизации» занимает в его творчестве заметное место и служит молодому поэту источником вдохновения, превращается в эдакий негритянский «потерянный рай» («Негр рассказывает о реках», «Африка»). С.М. Гохар показывает, как с угасанием Гарлемского ренессанса, после войны, Хьюз отходит от этой романтической концепции и связывает свою творческую и общественную деятельность с национальными африканскими движениями, сотрудничает с южноафриканским журналом *Drum*, поддерживает активную переписку с южноафриканскими литераторами [4]; т. е. Африка обретает для него все более и более реалистические черты, становится все более сложной [5]. Биограф Хьюза А. Рэмперсед пишет: «Африка была неотъемлемой частью его обширного ощущения черной идентичности – и в той же мере ничуть не менее обширного ощущения человечности вообще. Он не утратил веры в нее даже тогда, когда прочие чернокожие американцы, стыдясь голливудских клише, все таких же унижительных, желали бы разорвать все или почти все связи с „черным континентом“» [3. С. XVIII].

Важным эпизодом развития взаимоотношений Хьюза и Африки было путешествие на борту парохода «Малон» в 1923 году. Отправиться в плавание его надоумил коммунистический активист и моряк Фердинанд Смит, с которым Хьюз подружился в начале 1920-х в Нью-Йорке [6. С. 347]. В самом начале путешествия в ознаменование начала новой жизни (а именно так Хьюз воспринимал свое отплытие в Африку и Европу) поэт выбросил за борт почти все свои книги: «В ту ночь от этих книг у меня так же мутило на душе, как от всего, что я оставил в прошлом: как от чердаков и подвалов в Кливленде, как от неприкаянных ночей в Толуке, как от колумбийских общежитий и от гарлемской мебелирашки, – в них было все мое нескончаемое детское чтение, вся жизнь, которая оказалась не такой, как в романах... Я все равно как сбросил груз в миллион кирпичей – потому что хотел избавиться не только от книг, но и от всех тягот и печалей прошлого» [7. С. 98].

Поездка в Африку в первой автобиографии Хьюза «Большая вода» (1940) занимает несколько глав. Только в одной из них – «Луна в Буруту» – Хьюз отдает должное прежней поэтической Африке с ее барабанами в ночи, блеском волн в лунном свете, таинственными артефактами и древними обрядами, да и здесь тоже не обходится без пугающих зарисовок из «веселых кварталов». Красота Африки навсегда осквернена присутствием белого человека: «Люди с этих кораблей, – говорят туземцы, – Эти сильные белые люди, они приходят за нашим пальмовым маслом и нашей слоновой костью, за эбеновым деревом и красным, они приходят покупать наших женщин и подкупать

наших вождей...» [7. С. 120]. Вот какими знаменательными словами Хьюз приветствует Африку: «Африка! Живая, настоящая, та, которую можно увидеть, можно потрогать, а не выискивать на страницах книг!» [7. С. 10].

В остальных главах видно, как Хьюз последовательно отказывается от своего «книжного» опыта и погружается в реальную жизнь. Биограф Хьюза Ф. Берри указывает на то, что за всю поездку он написал всего лишь одно стихотворение – и при этом почерпнул чрезвычайно много материала для прозаических текстов, открыл в себе прозаический дар [6. С. 37]. В целом для африканских зарисовок Хьюза неуместен пафос, которым полны его стихи. В прозе Хьюз – мастер юмористического и бытового повествования, он обыгрывает в комическом ключе даже такие остросоциальные истории, как конфликт со старшим механиком, не желавшим обедать в одном помещении с неграми. Тяготение его автобиографической прозы к своего рода «байкам» подмечают многие исследователи; в частности, Елена Островская высказывает предположение, что Хьюз сознательно выстраивает свои воспоминания по принципу плутовского романа, где он сам играет роль пикаро, выпутывающегося из любых передряг [8. С. 111–112]. По мнению Островской, исследовавшей связи Хьюза с СССР, письма Хьюза и его советские воспоминания очень разнятся – для него такая «фильтрация» была способом обходить острые углы, умалчивать о том, что не вышло с создаваемым им образом самого себя [8. С. 115].

Африканские впечатления Хьюза тоже сознательно акцентируются как трагические или комические – нейтральных же попросту нет. Показательно письмо, которое Хьюз написал матери из Сенегала в день прибытия: «Дражайшая мама! Нынче утром я впервые увидел Африку. <...> Посмотрела бы ты, как тут одеваются. Все что душе угодно: пальто – пожалуйста, в чем мать родила – пожалуйста. Я покатывался со смеху все время, пока у меня не кончились на это силы. Нипочем не сыскать двух одинаково одетых людей. Кто в капюшоне, кто в шали, кто в брюках. Кто обматывает шею и лодыжки какими-то синими тряпками, и те раздуваются позади, как паруса... Иные в священничьих робах, есть и те, кто носит штаны приспущенными на манер шаровар. Это что-то! И все до того разные, что не поймешь – мужчина перед тобой или женщина. Ох, поглядела бы ты на них! Люблю, люблю, люблю, Лэнгстон» [6. С. 40].

Происхождение у Хьюза было смешанное – в его жилах текла не только негритянская, но также и индейская, и европейская кровь. С.М. Гохар предполагает, что это стало для Хьюза причиной остро переживаемого кризиса идентичности, отразившегося в его стихах («Мулат», «Крест») [5. С. 54–55]. В воспоминаниях об Африке чрезвычайно показательны диалоги (их несколько, и они опять-таки носят юмористический характер), в которых местные негры отказываются считать Хьюза «своим» и называют его «белым»:

– *Как тихо, – сказала я Пэ.*

– *Правда, – откликнулся он. – Но они скоро будут делать джуджу.*

– *Сегодня?! Где? – вскричал я. – Я хочу пойти.*

Пэ затряс головой, но махнул рукой в сторону окраины городка, туда, где возвышалась стена леса.

– Христианину нет польза от джуджу, – сказал Пэ вежливо. – Танец омали не хорошо для христианина.

– Но я хочу посмотреть, – настаивал я.

– Нет! – воскликнул Пэ. – Белый человек никогда не идти смотреть джуджу. Он навредит тебе. Он слишком страшный! Белый человек никогда не идти.

– Но я не белый, – спорил я. – Я бы...

– Но ты и не черный, – нетерпеливо возразил Пэ. Пришлось мне отказаться от затеи поглядеть на джуджу [7. С. 118].

Большое впечатление производит на Хьюза также встреча с юношей-метисом по имени Эдвард – сыном английского колониста и туземки, который чувствует себя беспредельно одиноко в мире, где никто не желает признавать его своим.

Один из членов команды объясняет Хьюзу, что белыми в Африке считаются все, кто прибыл из «белого», «цивилизованного» мира – и цвет кожи здесь почти не имеет значения [7. С. 105]. Африканцы, если судить по этой реплике, интуитивно понимают ту самую разницу культур, о которой писали Аллен Локк и прочие сторонники идеи необратимой трансформации негров вне Африки в особое, уже неафриканское культурное сообщество.

Путешествие на «Малоне» не отвратило Хьюза от Африки, но сделало его представления о ней более конкретными и проблемными – а это не то, чего он от Африки ожидал. Вот что пишет об этом Т. Харрис: «Родственность (с африканским миром. – Д.К.), которую он утверждает в своих стихах, не имеет отношения к его поведению в реальности. <...> К концу своего путешествия в Африку Хьюз пресытился Черным континентом и отстранился от него. <...> Но даже если взаимное принятие не состоялось в действительности, ему остается место в воображении. Африка осталась для него абстрактным идеалом, неким творческим пространством, куда можно бежать и где можно творить по своему желанию» [9].

Рожденный и выросший на Ямайке, Клод Маккей был куда ближе знаком с колониальной жизнью, но до своей первой поездки в США куда меньше, чем Хьюз, был погружен в расовую проблему. Переехав же в Америку (1912) и ознакомившись с трудами Дюбуа, он стал членом нескольких социалистических и националистических организаций в Европе и США. Маккей не скрывал своего яркого антирасизма, левых взглядов и активной политической позиции, что и стало основной причиной его приглашения в СССР в 1922 году. Не обошлось и без влияния на Маккея его соотечественника Маркуса Гарви – как пишет Тайрон Тиллери, деятельность Маккея и его выступления в печати не всегда получали поддержку других негритянских авторов, за радикализм в расовом вопросе его даже называли «черным фашистом» [10. С. 172]. Подтверждается такая оценка и воспоминаниями о Маккее Николая Чуковского, которого «поразила его пылкая ненависть к белым» и который именно этой ненавистью и объяснял нестойкий и поверхностный интерес Маккея к коммунизму: он был полностью поглощен расовой проблемой, а к белым никогда не мог относиться с полным доверием [2. С. 24].

К. Рэмиш, биограф Клода Маккея, придает чрезвычайно большое значение его колониальному происхождению и утверждает, что в своем творче-

ском развитии он проходит путь от британского колониального писателя в изгнании (а изгнание – ключевое понятие вест-индского колониального контекста, предполагающее вольное или невольное, но неизбежное существование «вдали от дома») до черного писателя в поисках собственной идентичности [11. С. 175]. Примечательно в связи с этим то, что в качестве названия для своей книги Маккей выбирает строку из знаменитого спиричуэлса *Sometimes I Feel Like a Motherless Child*. Таким образом, тезис о повсеместной чужеродности негра, на который мы опирались выше, в случае с Маккеем обретает особую остроту.

Уже во второй половине 20-х годов Маккей постоянно перемещается по Европе и Северной Африке. «Символическое странствие по черному треугольнику – Карибскому бассейну, Европе-Америке и Африке – стало воплощением его миссии поиска идентичности. Этот „обход“ черной диаспоры был актом воображаемого воссоединения», – пишет Рэмиш [11. С. 178]. В отличие от Хьюза, в чьей поэзии образ Африки связан в первую очередь с прекрасным и недостижимым прошлым, воскрешаемым – или создаваемым? – силой поэтического воображения (стихотворение «Я негр» – *I am a Negro*), Маккей свои «африканские» стихи («Африка», «Призыв: лето 1919-го») строит на явственной оппозиции прошлого и настоящего: великая древняя Африка, давшая начало человеческой цивилизации, предана забвению – но именно сейчас настало время возродить ее в былой славе, и Маккей призывает к этому своих братьев по крови. Эти его стихи написаны задолго до визита в Африку, но продиктованы они искренней верой в воссоединение негритянского народа, которой Маккей не утратил ни до, ни после этого путешествия. Напротив, африканские впечатления лишь утвердили его в этой вере.

Первый визит Маккея в Марокко описывается в автобиографии «Вдали от дома», в главе 26 «Когда негр за своего». В те годы Маккею уже около сорока – между тем Хьюзу во время его путешествия было всего двадцать, так что неудивительны различия в тональности повествования и его фокусировке.

Маккей уделяет очень много внимания политическим и административным нюансам жизни негров в африканских колониях. Он с неприязнью рассуждает о том, как английские и французские колонисты делят сферы влияния, и резко противопоставляет мир колонистов и мир местных жителей: негров, мавров, метисов всех сортов. Сначала описывается жизнь Маккея среди марокканцев, очаровавшие его красочные города, атмосфера принужденности и вместе с тем мистичности, человеческая пестрота – и вдруг все это сменяется унижительной историей с полицейскими и выговором, который Маккею сделали в британском консульстве за то, что он ночует у местных, а не в гостинице. С белыми связано все, что Маккею так ненавистно: расовые предрассудки, принуждение, недоверие. Он с презрительным отвращением описывает розовую лысину консула и розовые же прожилки на его «кошачьей мордочке» [12. С. 232]. Этот случай возвращает его к действительности. Маккей вспоминает о своих злключениях в Лондоне, где он никак не мог снять комнату, и резюмирует: «И даже теперь в Африке мне пришлось давать отпор этому призраку, белому террору, который ни на шаг не отстает от черных. Никуда не скрыться от белого пса Цивилизации» [12. С. 233].

Тем не менее во встрече Маккея с Африкой этот вывод не был главным. Гораздо важнее испытанное им ощущение облегчения, растворения в окружающем мире, обретения *своего круга*, давшее такое показательное название всей главе. «Марокканские мозаики ударили мне в голову, как редкое вино. Взволнованный, опьяненный, очарованный жителями Феса, обаятельным и гостеприимным обращением, я стал здесь совсем своим, местным. Меня приобщили к обычаям непритязательной туземной жизни. Я съехал из своего дорогого отеля и переправил вещи в место поскромнее. Но вот уж не скажешь, что я и впрямь там жил. Ибо дни свои я без остатка посвящал охоте на сокровища города и его окрестностей; я шел по следу крестьян, несших в город свои дары; подмечал, как ведутся торги между азиатами и африканцами; внимал разноцветью акцентов рыночных сказителей. А вечером меня всегда ожидало какое-нибудь развлечение. <...> Впервые в жизни я почувствовал, что полностью освободился от своего „цветного“ сознания. Я испытывал чувство, которое, должно быть, сродни физическому довольству тупого животного в окружении сородичей, что живут в согласии с инстинктом, одними ощущениями, ни о чем не задумываясь» [12. С. 230].

Таким образом, в Африке всюду чувствовавший себя чужим Маккей обретает наяву то чувство близости с другими неграми, на которое так надеялись деятели негритянского ренессанса и в котором разуверились. К. Рэмиш утверждает, что длившаяся одиннадцать лет поездка по Европе и Северной Африке в итоге дала Маккею представление о чрезвычайно развитом групповом самосознании черного сообщества, убедила в том, что его представителей по всему миру связывает глубокое ощущение внутреннего единства. Это придавало ему сил на новом витке его антирасистской деятельности в Америке [11. С. 169]. «Африке принадлежит важнейшая миссия: в ней залог единства черного народа. Маккей стал одним из первых писателей Карибского бассейна, показавших Африку как страну-идею, как дом для разбросанных по миру народов, ищущих единения, – а вовсе не как некую геоисторическую область» [11. С. 134]. Между тем Хьюзу, легко сходящемуся, как это видно по его воспоминаниям, с людьми любых национальностей, Африка этого особого чувства общности не дала, – для него она во многом утратила свое символическое значение «дома черного народа».

Истории двух этих поэтов показывают, насколько непростой и полной нюансов была для деятелей Гарлемского ренессанса проблема поиска и утверждения афроамериканской идентичности, насколько индивидуален был путь каждого писателя. Примеры можно множить: Уильям Дюбуа, отрекшийся в конце жизни от Америки и переехавший в Гану, – и его зять Канути Каллен, вопрошавший в стихотворении «Наследие» (*Heritage*, 1925) «Что такое Африка для меня?» (*What Is Africa to Me?*) и не знавший ответа на этот вопрос; Зора Нил Херстон, объяснявшая «каково это – быть цветной» (*How It Feels to Be Colored Me*, 1928) в том числе и через свои исследования самобытности культур «африканской диаспоры», – и Джордж Скайлер, высмеивавший «фантазии» тех, кто тщится усмотреть какие-то «надуманные» культурные отличия между белыми и черными американцами. Неудивительно, что, хотя полемика вокруг Гарлемского ренессанса уже почти сто лет, для взвешенных обобщений время, как видно, все еще не пришло.

Список литературы

- [1] Панова О.Ю. Афроамериканистика и Гарлемский ренессанс: «теория литературы как провокация истории литературы» // Литература двух Америк. 2019. С. 1–16. URL: <http://litda.ru/index.php/ru/onlajn-publikatsii/176-2019-god-2> (дата обращения: 20.12.2020).
- [2] Панова О. Экзотический гость: Клод Маккей в Советском Союзе // Литература двух Америк. 2019. № 6. С. 220–256. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2019-6-220-256>
- [3] Hughes L. Selected letters / ed. by A. Rampersad, D. Roussel). New York, 2015.
- [4] Hughes L. Langston Hughes and the South African drum generation. The Correspondence. Palgrave Macmillan, US, 2010.
- [5] Gohar Saddik M. The dialectics of homeland and identity: Reconstructing Africa in the poetry of Langston Hughes and Mohamed Al-Fayturi // Tydskrif vir Letterkunde. 2008. № 45/1. Pp. 42–74
- [6] Berry F. Langston Hughes before and beyond Harlem. Westport, 1983.
- [7] Hughes L. The big sea. New York, 1993.
- [8] Островская Е. Лэнгстон Хьюз в переписке с журналом «Интернациональная литература» // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 106–126.
- [9] Harris T. The image of Africa in the literature of the Harlem Renaissance / National Humanities Center. URL: http://nationalhumanitiescenter.org/tserve/freedom/1917_beyond/essays/harlem.htm (accessed: 13.12.2020).
- [10] Tillery T. Claude McKay: a black poet's struggle for identity. Massachusetts, 1992.
- [11] Ramish Kotti S., Nirupa Rani K. Claude McKay: the literary identity from Jamaica to Harlem and beyond. Jefferson: McFarland and Company, 2006.
- [12] McKay C. A long way from home (1937). New Brunswick – London: Rutgers University Press, 2007.

References

- [1] Panova, O. (2019). Afro-American studies and the Harlem Renaissance: Literary theory as a provocation of literary history. *Literature of the Americas* (pp. 1–16). (In Russ.) Retrieved December 20, 2020, from <http://litda.ru/index.php/ru/onlajn-publikatsii/176-2019-god-2>
- [2] Panova, O. (2019). An exotic guest: Claude McKay in USSR. *Literature of the Americas*, (6), 220–256. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2019-6-220-256>
- [3] Hughes, L. (2015). *Selected letters* (Arnold Rampersad & David Roussel, Eds.). New York.
- [4] Hughes, L. (2010). *Langston Hughes and the South African drum generation. The Correspondence* (S. Graham & J. Walters, Eds.). Palgrave Macmillan, US.
- [5] Gohar Saddik, M. (2008). The dialectics of homeland and identity: Reconstructing Africa in the poetry of Langston Hughes and Mohamed Al-Fayturi. *Tydskrif vir Letterkunde*, (45/1), 42–74.
- [6] Berry, F. (1983). *Langston Hughes before and beyond Harlem*. Lawrence Hill and Company, Westport.
- [7] Hughes, L. (1993). *The big sea*. New York.
- [8] Ostrovskaya, E. (2017). Langston Hughes in Correspondence with The International Literature Magazine. *Literature of the Americas*, (3), 106–126. (In Russ.)

- [9] Harris, T. (n.d.). *The image of Africa in the literature of the Harlem Renaissance*. National Humanities Center. Retrieved December 13, 2020, from <http://nationalhumanitiescenter.org/tserve/freedom/1917beyond/essays/harlem.htm>
- [10] Tillery, T. (1992). *Claude McKay: A black poet's struggle for identity*. Massachusetts, University of Massachusetts Press.
- [11] Ramish Kotti, S., & Nirupa Rani, K. (2006). *Claude McKay: The literary identity from Jamaica to Harlem and beyond*. Jefferson, McFarland and Company.
- [12] McKay, C. (2007). *A long way from home*. New Brunswick, London, Rutgers University Press.

Сведения об авторе:

Кузина Дарья Дмитриевна, аспирант, научный сотрудник, отдел литератур Европы и Америки Новейшего времени, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук.

Bio note:

Daria D. Kuzina, Ph.D. student, junior researcher, Department of Literatures of Europe and America of Modern Times, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.